

МЕМОРИАЛЬНОЕ ПРАВО: НАЦИОНАЛЬНЫЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ

*Антон Васильев**
*Александр Ужанов***
*Юлия Печатнова****

DOI 10.24833/2073-8420-2023-4-69-63-84

***Введение.** В настоящей статье проводится междисциплинарное исследование в области пересечения интересов политики памяти и мемориального права, которое включает в себя терминологическую экспликацию и юридический анализ близких по значению понятий, оценку актуальности и необходимости легализации терминов, связанных с политикой памяти и мемориальным правом, определение эффективности официальной политики памяти и становления мемориального права, предсказание социальных и политических последствий их взаимодействия в краткосрочной и долгосрочной перспективе, изучение нормативных пределов национального мемориального законодательства и возможностей международного права в сфере охраны мемориального наследия. В качестве цели исследования выдвинута концептуализация мемориального права. В качестве объекта исследования избрано военно-мемориальное наследие, сформированное по итогам Второй мировой войны.*

***Материалы и методы.** Основным исследовательским методом является включенное наблюдение за процессами реализации в российском обществе и за рубежом концепций национальной, исторической и социальной памяти, а также конструирование норм-регуляторов для установления правоотношений*

* **Васильев Антон Александрович**, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета, Алтайский край, Россия
e-mail: anton_vasiliev@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-3122-531X

** **Ужанов Александр Евгеньевич**, кандидат социологических наук, доцент МИЭП МГИМО МИД России
e-mail: uzhanov@mail.ru
ORCID ID: 0009-0009-6060-3341

*** **Печатнова Юлия Вадимовна**, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета, Алтайский край, Россия
e-mail: jp_0707@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-3091-990X

в области сбережения объектов военно-мемориального наследия. Используются методы экспресс-диагностики проблемных ситуаций, правовой оценки инцидентов, социологического и экспертного опроса (в том числе анкетирования и тестирования), моделирования.

Результаты исследования. В результате проведенного исследования обоснована необходимость разработки специального федерального закона об охране военно-мемориального наследия Российской Федерации, а также разработки международной (универсальной) Хартии (Конвенции) об охране объектов военно-мемориального наследия, образовавшихся по итогам Второй мировой войны.

Обсуждение и заключение. Установлено, что по поводу необходимости мемориального законодательства в научной и экспертной среде нет единой позиции. Во многом это обусловлено наличием политических притязаний на видение прошлого и действием тенденции к пересмотру итогов Второй мировой войны, а также отставанием международного права от новой реальности в области политики памяти, сопряженной с применением ненаучных и алогичных решений в области военно-мемориального наследия. Рассмотрены различные политические и идеологические предпочтения в отношении мемориального законодательства. Сделан вывод, что в юридической науке слабо изучены концептуальные основы формирования мемориального права как особого юридического комплекса для сохранения, трансляции и защиты исторической памяти и мемориального (военно-мемориального) наследия. Кроме того, как на уровне юридической доктрины, так и согласно правоприменительной практике вопрос о статусе и правовых средствах сохранения военно-мемориального наследия практически не изучен. В связи с чем, авторами предлагается разработка Хартии ООН по охране военно-мемориального наследия с целью целостного и всестороннего правового регулирования исследуемой сферы.

Введение

На современном этапе во всём мире прослеживается тенденция юридического закрепления государствами субъективно-оценочного отношения к прошлому, стремление находящихся у власти политических элит правовыми инструментами, используя мемориальное законодательство по своему усмотрению, вводить в социальный контекст и в политические отношения новые интерпретации событий прошлого. Особенно это характерно для стран, потерпевших, как Германия и Япония, системное поражение во Второй мировой войне, пытающихся обрести правовую опору и общественную поддержку для реализации своих политических целей через подъем национального самосознания, освобождение от приобретенного вследствие совершенных агрессий против других народов чувства вины и обеспечения роста немецкого и японского патриотизма. Грешат этим и молодые государства на постсоветском пространстве, вставшие в своем самоопределении на путь полного отрицания

прошлого и отмежевания от тех ценностей и культурно-исторического кода, которые унаследованы от СССР. Наиболее ярким примером в этом отношении является Украина, которая в поиске своей национальной идентичности приняла ряд мемориальных законов, противоречащих официально принятым трактовкам итогов Второй мировой войны. Во многом юридическая практика поставлена на службу государственной политики, в том числе или особенно исторической политики – политики памяти. По оценке А. Миллера и М. Липмана, проявляемая на законодательном уровне политика выглядит так, что парламенты принимают законы, закрепляющие ту или иную трактовку исторических событий как единственно верную, а иногда в утвержденных парламентами актах предусматриваются уголовные наказания для тех, кто оспаривает такую трактовку. Эта практика характерна не только для Восточной Европы. Схожие законы имеют место во Франции и Турции [16. С. 17].

Исследование политики памяти носит и, безусловно, должно носить междисципли-

нарный характер, осуществляться в ракурсе широкого диалога власти, исторической науки и гражданского общества. Однако давно назрела необходимость целостного и всестороннего правового анализа политики памяти, который бы включал в себя терминологическую экспликацию и юридический анализ близких по значению понятий - «политика прошлого», «символическая политика», «политическое использование прошлого», «политизация истории», «историческая политика», «политика коммемораций», «мемориальная политика», «культура памяти», «мемориальная культура», «войны памяти», «право войны», военно-мемориальное наследие, фальсификация истории и т.д.. Сюда же следует отнести оценку актуальности и необходимости легализации терминов «социальная память», «политика памяти», «историческая правда», «защита (сбережение) военно-мемориального наследия», «военно-мемориальное право» и др., определение эффективности официальной политики памяти и предсказание её политических и социальных последствий в долгосрочной перспективе.

Чрезвычайно важными представляются установление нормативных пределов национального мемориального законодательства и формирование на международном (наднациональном) уровне этических принципов в отношении проводимой с позиций сегодняшнего дня исторической реконструкции и реставрации событий прошлого, а также социально-политической реабилитации личностей в отдаленной ретроспективе. Приобрела исключительную актуальность проблема самой постановки вопроса о концептуализации мемориального права. Так как прошлое воспринимается как ценность и сформирован запрос на удовлетворение потребности в защите памяти, авторы настоящего исследования предприняли попытку рассмотреть многоаспектность и проблематику права в сфере трансляции знаний о прошлом, поставить вопрос об институализации мемориального права и дипломатии памяти.

Исследование

Основным исследовательским методом является включенное наблюдение за процессами реализации в российском обществе и за рубежом концепций национальной, исторической и социальной памяти, а также конструирование норм-регуляторов для установления правоотношений в области

сбережения объектов военно-мемориального наследия (ВМН) – военных памятников, мест памяти Великой Отечественной войны, захоронений комбатантов и мирного населения, подвергнувшегося геноциду. Используются методы экспресс-диагностики проблемных ситуаций, правовой оценки инцидентов по вандальному воздействию на объекты ВМН, социологического и экспертного опроса (в том числе анкетирования и тестирования), фокус-группы в рамках многочисленных уроков памяти и благодарности, российских и международных форсайт-игр по моделированию народно-дипломатическими инструментами межмуниципальных отношений (на основе матриц пересекающихся интересов и возможностей территорий, в том числе с помощью SWAT-анализа). Тем самым, осуществлено комплексное изучение правовых коллизий в отношении объектов ВМН и генерирование механизмов, стандартов, регламентов с их последующей интеграцией в проект Международной хартии. Отдельный методологический аспект связан с разработкой и подписанием межмуниципальных договоров о побратимстве, в которых предусмотрены системно-образующие обязательства глав муниципальных образований по обеспечению сохранности действующих воинских захоронений и памятников, а также созданию новых объектов с их регистрацией и постановкой на учет.

Обоснована необходимость разработки специального федерального закона об охране военно-мемориального наследия Российской Федерации, а также разработки международной (универсальной) Хартии (Конвенции) об охране объектов военно-мемориального наследия, образовавшихся по итогам Второй мировой войны. Сформировано более 200 фокус-групп по исследованию правоотношений в области сбережения объектов ВМН с вовлечением более 500 сельских территорий и муниципальных городских образований 16 государств мира. Разработано и подписано 17 юридических договоров с участием 40 муниципалитетов и сельских территорий с общей численностью населения более 2 млн. человек из 6 государств мира (Россия, Беларусь, Украина, Казахстан, Молдова, Сербия). 17 июня 2023 года в Брестском государственном университете с участием преподавателей и студентов исторического и юридического факультетов проведено первое экспертное слушание проекта Международной хартии «О защите объектов ВМН» с участием экспертов из 10 стран. Обозначена необходимость создания

Международного исторического арбитража и Международного центра правовой оценки неокOLONIALИСТИЧЕСКИХ действий в условиях противоборства концепций глобализма и многополярности мирового устройства.

Очевидно, что при росте значения проблемы исторической и социальной памяти в современном публичном пространстве, в сфере внешней дипломатии, а также народной дипломатии Российской Федерации и других стран мира остаются слабо проработанными правовые формы реализации политики и дипломатии памяти и охраны мемориального наследия в целом и военно-мемориального наследия, в частности. При этом в юридической науке не получили должного освещения такие аспекты, как «политика памяти в контексте предметности правового регулирования»; «модели правового регулирования исторической политики»; «обоснование мемориального права как особого института национального и международного права»; «военно-мемориальное наследие и его международно-правовая защита», «обособление отдельных личных и коллективных прав на историческую память», «народная дипломатия, как охранная функция прошлого» и другие важные аспекты.

Из вышесказанного проистекает актуальность проблемы охраны исторической памяти и той значимой ее части, связанной с Второй мировой войной, обусловленная целым рядом предпосылок:

- формирование в ряде восточно-европейских государств в начале XX в. политики, направленной на пересмотр истории Второй мировой войны, искажение вклада СССР в борьбу с нацизмом и освобождение народов Европы от фашистской оккупации и германской колонизации («европейская историческая политика»), создание государственных центров её осуществления (т.н. институты национальной памяти), что влечет за собой рост напряженности в межгосударственных отношениях и создает питательную среду для межнациональных конфликтов, информационно-психологического противоборства и вооруженного противостояния;

- систематические случаи посягательств на военно-мемориальное наследие СССР и России, как правопреемницы, в ряде зарубежных стран («войны памяти») в условиях отсутствия адекватных форм правового реагирования (ситуация бессилия международного права) наносят существенный урон национальной памяти России, исторической

памяти народов, победивших германский нацизм, фашизм и японский милитаризм, дискредитируют Освободительную миссию СССР и стран-союзниц по антигитлеровской коалиции 1943-1945 гг., что приводит к фальсификации истории Второй мировой войны и, как следствие, формированию искаженной картины мира;

- развитие российского мемориального законодательства и содействие зарубежным государственным юрисдикциям в разработке национального мемориального законодательства на принципах исторической правды и социальной справедливости, формирование концепции и системы правового регулирования в части традиционных ценностей, укрепления духовных основ российской государственности, защиты исторической правды, системы коллективной и глобальной безопасности.

Как следствие, деструктивная политика памяти ряда государств мира, вандалские проявления по отношению к советским воинским захоронениям и памятникам воинов-освободителей, порча и уничтожение (демонтаж) объектов мемориального наследия, дискредитация мест памяти о Великой Отечественной войне в общественном и публичном пространстве обуславливают критически важную необходимость разработки и реализации системы исчерпывающих мер по гарантированной охране артефактов исторической памяти, объектов военно-мемориального наследия, включая научно осмысленные меры социального, дипломатического и правового характера.

Новизна проведенного исследования заключается в следующем:

1) Впервые на теоретико-методологическом уровне предлагается обосновать особый межотраслевой институт национального права и международного права – мемориальное право, призванное с помощью правовых средств защитить историческую память, нейтрализовать манипуляции в рамках политики памяти. Соответственно, предполагается выдвинуть и обосновать тезис о предмете правового регулирования в сфере исторической политики, его пределах, наиболее эффективных методах и способах правового регулирования;

2) Впервые в правовой науке предполагается обосновать коллективные и индивидуальные права на историческую память, историческую правду, охрану военно-мемориального наследия, право погибших при исполнении конституционного долга по защите Отечества лиц и выполнении их

союзнических обязательств при отражении вооруженной агрессии (в первую очередь – участников Великой Отечественной войны) на уважение и память о них (обоснование терминов «увековечение памяти комбатанта», «священная память», «Освободительная миссия» и др. в правовых и международно-правовых категориях);

3) По итогам исследования будут обоснованы предложения по совершенствованию российского и международного мемориального законодательства и реализации институциональных рекомендаций в сфере дипломатии памяти и защиты военно-мемориального наследия (в первую очередь, сформированного по итогам Второй мировой войны, Великой Отечественной войны);

4) Так как исследование проводится на общественных началах и в границах стратегической народно-дипломатической инициативы «Родина подвига – Родине героя» на условиях партнерства Института социальной памяти Академии военных наук России и Юридического института Алтайского государственного университета, по его завершению предполагается предложить экспертно поддержанный механизм правовой охраны военно-мемориального наследия СССР, России и союзников Красной Армии по Освободительной миссии СССР во Второй мировой войне для адаптации на международном (наднациональном) уровне и пилотной апробации в Союзном государстве России и Беларуси.

Проблема коллективной (социальной, исторической, социально-исторической) памяти (до сих пор существуют трудности терминологического порядка с объемом этих понятий) является достаточно изученной в современной социогуманитарной науке (М. Хальбвакс, М. Блок, Л. Вирт, А. Моль, Я. Ассман, А. Ассман, Д. Лоуэнталь, Й.Х. Йерушалми, Д. Коллинз, Э. Хобсбаум, П. Рикёр, П. Нора, Ф. Йейтс, П. Хаттон, Ф. Артог, Х. Вельцер, А. Эткинд, Я.К. Ребане, В.Г. Афанасьев, Л.П. Репина, Ю.А. Сафронова, О.Б. Мамаева, С.В. Кодан и др). Сложилось целое междисциплинарное направление – *memory studies*, изучающее различные, в том числе юридический, аспекты коллективной памяти. Ряд авторов используют понятие «правовой памяти» (К. Кэмпбелл, К.У. Свонсон, Л.И. Честнов, О.Ю. Рыбаков и др.). А.Ужанов обосновывает и транслирует парадигму социальной памяти, как системно-феноменологическую сущность, представляющую собой комплекс видов памяти, включая этнопсихологическую, ге-

нетическую, историческую, национальную, солитонную, голографическую память.

Исследованием концепции политики памяти (исторической политики, мемориальной политики) в юридическом ракурсе плодотворно занимаются как зарубежные, так и отечественные исследователи – историки, антропологи, политологи, социологи, социальные психологи и правоведы (Е. Лёзина, Копосов Н.Е., В.А. Шнирельман, Г.А. Бордогов, И.И. Курилла, В.С. Клопихина, А.В. Грозин, Н.А. Медушевский, В.М. Бухарев, Е.С. Соколова, А.В. Сидоров, А.И. Миллер, Д. В. Ефременко, Е.А. Бикетова, М. Бустаманте, А.В. Астров, О.Н. Борох, М. Миноу, Дж. Вейнтгартнер, Дж. Мейерхенрих, А. Гриценко, Г. Касьянов, А. Браточкин, Ю. Шеррер, Д. Блоксэм, М. Русу и др.). Они изучают особенности политики памяти как отдельных стран (Россия, Казахстан, Украина, Эстония, Германия, Венгрия, Румыния, Франция, Польша, Куба, ЮАР, США и др.), так и целых регионов (например, Восточная и Западная Европа). Также ведется работа по уточнению термина «политика памяти» и его соотношению с близкими и смежными по значению терминами: «политика прошлого», «символическая политика», «политическое использование прошлого», «политизация истории», «историческая политика», «политика коммемораций», «мемориальная политика», «культура памяти», «мемориальная культура», «войны памяти» и т.п. (А.И. Миллер, О.Ю. Малинова, Н.И. Алексеева, Д.Н. Нечаев, О.В. Леонова, О.Ч. Реут, Н.У. Ярычев и др.).

Так, например, под объектом мемориального наследия предлагается понимать культурные ценности, которыми, как правило, являются здания и иные объекты культурно-исторического значения [1].

Однако недостаточно исследованными остаются такие вопросы, как эффективность официальной политики памяти и ее социальные последствия в долгосрочной перспективе. Кроме того, практически совершенно из поля зрения исследователей выпали мемориальные и иные нормативные правовые акты, в которых фиксируется официальная позиция публичной власти по тем или иным историческим событиям и выражается историческая политика. Так, известны акты Франции, которые осудили геноцид армян в Турции. Известны попытки Украины по героизации преступлений С. Бандеры и Р. Шухевича, в том числе путем издания соответствующих мемориальных законов. В Российской Федерации при-

нят комплекс правовых актов, которые увековечивают память защитников Отечества в Великую отечественную войну, легитимизируют Знамя 150-й отдельной Идрицко-Берлинской стрелковой дивизии, водруженное 30 апреля 1945 года над Рейхстагом в Берлине в качестве символа Великой Победы в национальной памяти России, исторической памяти Республики Беларусь и ряда других государств СНГ. По целому ряду внешних признаков можно с уверенностью констатировать, что право де-факто становится средством осуществления исторической памяти, её интерпретации и охраны.

Имеется также большое количество исследований, посвященных различным судебным аспектам интерпретации, восстановления и защиты памяти (Л. Дуглас, Э.Христудулидис, С. Вейч, К. Белл, Б. де Брито, П. Лобба, Д. Сирри, Дж. Флакс, Э. Фронца, Ш. Фельман, и др.). В рамках правосудия переходного периода существует несколько подходов к взаимосвязи между правом и коллективной памятью: либеральное формирование памяти с помощью трансформационных судебных процессов (М. Осиель), восстановление коллективной памяти с помощью переходных режимов правды (Р. Тейтель), производство общих нарративов и ценностей правовыми институтами, которые разрывают циклы ненависти (М. Миноу) и др. Особый пул источников посвящен непосредственно документам Нюрнбергского и Токийского трибуналов по квалификации военных преступлений и преступлений против мира и безопасности человечества нацистскими и японскими военными преступниками. Сами по себе приговоры трибуналов по итогам Второй мировой войны представляют собой акты фиксации и интерпретации исторических событий и их оценки, а теперь и они вошли в содержание исторической (национальной) памяти. Среди работ, посвященных Нюрнбергскому процессу, особо следует упомянуть цикл произведений А.Г. Звягинцева и А.Н. Савенкова, которые разработали целостную картину и правовую концепцию Нюрнбергского процесса. Однако на данный момент отсутствуют исследования, целостно и напрямую осмысливающие механизмы и процессы правосудия в политике памяти.

Ряд исследователей уделяют определенное внимание субъективной стороне политики памяти: коллективная память о правах человека (Л.И. Глухарева), соотношение правосознания и историческая память

(Е.М. Крупеня), правовой аспект взаимодействия государства и общества в процессе формирования и реализации официальной политики памяти (А.Ю. Дорский). После поправок в Конституцию РФ в 2020 г. в ней появилось понятие «историческая правда», что способствовало активизации исследовательского интереса к праву человека на историческую память, историческую правду и её охрану (П.А. Астафичев, М. А. Кожевина, С.А. Куликова, Г.Л. Москалев, И.Н. Фалалева, С.Р. Чеджемови др.). Остаётся дискуссионной и до конца неразработанной проблема соотношения и конфликта права человека на историческую память и историческую правду со свободой слова и правом на свободу научного (и социального) творчества.

Ряд исследователей-международников акцентирует внимание на анализе международно-правовых документов, касающихся международного гуманитарного права [13. С. 31-48], изучение конституционно-правовых смыслов отдельных прав человека [27], определение компетенции уполномоченных органов государственной власти по обеспечению прав и свобод человека и гражданина, а также сохранению объектов и имущества, в том числе культурного назначения [19. С. 37-57]. Тем самым, видится, что не напрямую, но опосредованно в подобных научных исследованиях проявляются отдельные аспекты решения проблем мемориального права.

Следует особо подчеркнуть, что в рамках изучения мемориального законодательства России определенное внимание группой исследователей уделяется оценке правовой охраны военно-мемориального наследия СССР и России (Д.В. Аронов, А.А. Васильев, А.В. Дудченко, Н.В. Дмитриева, С.А. Мозговой, В.А. Рубин, Е.В. Спиридонова, А.Е. Ужанов и др.). Однако вызывает беспокойство, что в ситуации пятилетней эскалации обстановки в Европейском союзе и ряде стран СНГ и Восточной Европы вокруг памятников советских воинов, приведшей к огромному разрушительному результату (тысячи памятников Великой Отечественной войны демонтированы, устранены из общественного пространства), не существует целостной и непротиворечивой концепции правовой охраны военно-мемориального наследия, что связано в том числе с отсутствием концептуального обоснования базовой категории – мемориального права. К настоящему времени, несмотря на довольно развитую во многих странах законодательную базу, мемориальное право

обычно не рассматривается как комплексная отрасль (самостоятельный институт) законодательства или отрасль (институт) права. Хотя есть и редкие исключения. Так, У. Белавусу (U. Belavusau) после рассмотрения мемориального законодательства в качестве нового предмета сравнительного правоведения предложил специальный онтологический термин «мнемонический конституционализм» («mnemonic constitutionalism»).

По поводу необходимости мемориального законодательства и доктрины международного права [5. С. 28] в научной среде нет единой позиции. Во многом это зависит от политических и идеологических предпочтений того или иного автора. Одни авторы отрицательно относятся к любому мемориальному законодательству, считая, что оно ограничивает свободу слова и посягает на свободу научного творчества (И.И. Курилла, О.А. Матусевич, Р. Голсан, Э. Флейг и др.). Другие исследователи в той или иной степени признают необходимость мемориального законодательства (А.А. Дорская, К. Кэмпбелл, Н.И. Алексеева, Е.П. Цыплакова и др.). Некоторые авторы делят мемориальное законодательство по направленности на политическое примирение с последующим обеспечением защиты прав меньшинств или на политическую конфронтацию с последующим отрицанием легитимности несогласных (У. Белавусу (U. Belavusau), А. Глицинска-Грабиас и др.). Соответственно, первую разновидность мемориального законодательства они одобряют, а ко второй относятся отрицательно. Своеобразную позицию занимает философ А.Ю. Дорский, считающий, что проблемы оценки того или иного исторического события и процесса должны решаться не на законодательном уровне, а на референдуме путем электронного голосования.

В границах настоящего исследования будет полезно прибегнуть к результатам доктринально-юридической и правоприменительной практики в отношении сохранности культурного наследия. В этой проекции динамику можно проследить по развитию конституционного права в нескольких видимых направлениях. Основной научный интерес исследователей здесь находится преимущественно в двух плоскостях. Так, преобладающее количество исследований касается общего вопроса правового регулирования государственной политики в отношении культурных ценностей.

Ю.А. Чулисова обозначила сложность определения объектов нематериального

наследия и установления организационно-правовых механизмов их защиты, провела теоретические и эмпирические анализы доктрины и законодательства, сделав в итоге вывод о том, что в настоящее время необходима выработка единой концепции охраны нематериального культурного наследия. Данный автор предпочла бы сочетание единых и универсальных подходов к охране нематериального культурного наследия народов России, разработку правовых специфических аспектов их охраны, учитывающих уникальность и самобытность объектов. По мнению исследователя, это поспособствует повышению заинтересованности носителей культуры в её сбережении и популяризации [29. С. 114-122].

И.А. Балдин рассматривает и анализирует законодательство РФ по сохранению объектов культурного наследия на всех уровнях. Рассматриваются меры по защите объектов культурного наследия, которые установлены законодательством, ответственность за нарушение поставленных норм и порчу объектов культурного наследия, а также проблемы, которые возникают из-за небезупречности законодательства [4. С. 7-13].

Как показал анализ, значительная часть исследований посвящена сравнительно-правовому аспекту, сопоставлению подхода Российской Федерации к реализации правоохранительной деятельности в сфере культуры и подхода иностранного государства (выбранного автором по определенным критериям).

Ж.Б. Иванова на примере Беларуси и России рассматривает правовую охрану нематериального культурного наследия, как продолжение культурно-исторической традиции страны, разнообразно проявляющейся в реальной жизни [10. С. 149-155]. Этим же автором рассматривался вопрос охраны объектов нематериального культурного наследия России и Китая [11. С. 25-32].

Второе обстоятельство, использованное для аналитики, касается введения режима взыскательности государства, наряду с общей политикой в сфере правового регулирования вопросов культурного наследования, к недобросовестной сохранности, приводящей в конечном итоге к уничтожению объектов культурного наследия. В этой связи нас интересовали вопросы вступления в силу мер наказания виновных юридических и физических лиц. Например, И.И. Шарипов под руководством С.Р. Шафигулиной рассматривает некоторые

вопросы наступления ответственности, предусмотренной за нарушение обязанности по сохранению исторического и культурного наследия, речь идет о памятниках истории и культуры. В данном случае не может быть двойного трактования: закрепив обязанности охранного значения, государство предусматривает наступление ответственности за их неисполнение [30. С. 19-23].

М.Н. Тагиев, анализируя законодательство Азербайджанской республики в аспекте правового регулирования содержания памятников истории и культуры, раскрывает общепредупредительное воздействие уголовного наказания и аргументирует подключение уголовно-правовых средств только в том случае, когда формы воздействия (организационно-управленческие, социально-экономические, культурно-воспитательные) оказываются не способными в полной мере предупредить и предотвратить преступления против культурного наследия [23. С. 180-187].

Обращают на себя внимание методологические истоки надежной и эффективной правовой защиты объектов культурного наследия, связанные с Пактом Рериха, которые могут быть использованы в практике сбережения военно-мемориального наследия. Учитывая правовой нигилизм в отношении памятников воинов-освободителей XX века в ряде европейских стран, представляется важным сформировать подобно Пакту Рериха (Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников 1934 года) основополагающий международный акт, который бы стал отправной точкой в деле сбережения объектов памяти, военно-мемориального наследия, образовавшихся в ходе Освободительной миссии СССР и стран-союзниц по антигитлеровской коалиции в 1943-1945 гг. [14. С. 70-94].

Вопрос сохранения культурного наследия как элемента прав и обязанностей человека и гражданина, по нашей оценке, поднимается крайне редко, при этом имеющиеся в научном обороте исследования посвящены преимущественно частным вопросам, сопоставимым с интересами авторов, затрагивающими более масштабную и глобальную тематику, чем конкретно права, свободы и обязанности человека, либо вопросы сбережения традиционных ценностей и будущего человеческой цивилизации.

Так, Л.Н. Васильева поднимает вопрос о том, что в законодательстве Российской Федерации язык, в том числе и диалекты

языка, напрямую отнесены к нематериальному культурному наследию, при этом подчеркнута связь языка, как культурной ценности, с задачами проводимой государством культурной политики. Как отмечает автор, такая позиция характерна для федерального уровня законодательного регулирования и она по-разному преломляется в региональном законодательстве, что ставит вопрос о том, можно ли с определенностью отнести любой национальный (родной) язык к нематериальному культурному наследию и в каких случаях? [7. С. 82-93].

М.В. Янович, подтверждая действие принципа единства и взаимодействия прав и обязанностей в конституционном праве, раскрыл такие формы реализации права, как соблюдение, исполнение, и применение. В качестве иллюстрации работы данного принципа автор взял право и обязанность в отношении объектов культурного наследия [33. С. 77-82]. Этот же автор раскрыл содержание конституционной обязанности в отношении объектов культурного наследия с использованием классического подхода содержанию обязанности, выработанному в теории права. Согласно указанному подходу, автором статьи выделено четыре компонента такой обязанности: необходимость проводить работы по сохранению объектов культурного наследия (воздержаться от совершения действий, могущих причинить вред таким объектам), необходимость предоставлять информацию об объекте культурного наследия, необходимость обеспечивать доступ к таким объектам и необходимость претерпеть неблагоприятные последствия в случае нарушения законодательства об объектах культурного наследия. Автором сделан вывод о том, что четкое представление о содержании конституционной обязанности в отношении объектов культурного наследия позволяет правильно понимать содержание норм отраслевого законодательства, регулирующего обязанности в отношении таких объектов [34. С. 220-223].

М.В. Янович также рассматривал вопросы конституционного права на доступ к объектам культурного наследия, однако в контексте правового регулирования, осуществляемого в отдельно взятой стране (Финляндии). Конституция Финляндии закрепляет права и обязанности в отношении культурного наследия, вместе с тем не раскрывает комплекс правомочий и ограничений, которые направлены на реализацию этих прав. В статье автор предпринял попытку раскрыть содержание конституционного права

на доступ к объектам культурного наследия и корреспондирующей такому праву конституционной обязанности, показать их взаимосвязь и взаимовлияние, место в системе прав и обязанностей [32. С. 536-539].

Как и в указанном выше примере, К.В. Ковалишина исследовала вопрос, связанный именно с правом на нематериальное наследие, однако за основу взято законодательство Республики Индии. Автор провела анализ существующих на сегодняшний день проблем и способов их преодоления в сфере сохранения нематериального культурного наследия в Индии. Сделан вывод о несовершенстве механизмов охраны и защиты нематериального культурного наследия в международно-правовой сфере, в целом [9]. Выдвинуты предложения по усовершенствованию нормативно-правового регулирования решения обозначенных проблем [12. С. 41-46].

В.А. Сеницына исследовала вопросы самостоятельности субъективного права на охрану объектов культурного наследия, обосновывая данный тезис раскрытием нормативного регулирования данного права с позиции Конституции РФ, Градостроительного кодекса РФ и Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ». Также автором рассматривались гарантии реализации данного права и приводились сведения о правах и обязанностях участников отношений в указанной области. Отдельно автором исследовался вопрос о юридической защите права на охрану объектов культурного наследия. Автор пришел к выводу о том, что судебная практика по исследуемой теме не отличается единообразием [22. С. 370-385].

И.В. Ширкова рассматривала права человека как составную часть культурного наследия современного общества [31. С. 217-223].

М.Н. Малеина рассматривала частный вопрос, а именно, музей-квартиру как объект культурного наследия, некоммерческое учреждение культуры, объект недвижимости, нежилое помещение. Под музеем-квартирой при этом понимается не только мемориальная квартира, созданная по месту жительства выдающихся деятелей культуры, науки и в других областях и где сохранилась оригинальная обстановка, но и квартира, где реконструирована обстановка и используются типологические предметы соответствующего периода и (или) экспонаты, созданные специально для музея. М.Н. Малеина изучила развитие права гражданина на

доступ к культурным ценностям на примере такого объекта, как музей-квартира, определив структуру данного права и гарантии [15. С. 76-85].

Эвристический поиск правовых основ и моделирование подходов к построению международно-правовой защиты объектов военно-мемориального наследия может опираться на пройденный человечеством путь в области культурного наследия с определенными ограничениями. Поскольку война, как патологическое состояние международных отношений, в большинстве случаев носит двойственный характер - есть сторона-агрессор (оккупант) и сторона-жертва. Есть войны справедливые и несправедливые. Существуют защищенные в правовом отношении жертвы комбатантов и жертвы среди мирного населения, участвующего в Движении сопротивления (по опыту Великой Отечественной войны - в подпольных организациях, партизанских отрядах и т.д.). Соответственно, приходится иметь дело с несимметричностью действия правовых инструментов в отношении разных сторон вооруженного противостояния. И в этом заключается основная проблема, поскольку основополагающий международный акт в области защиты объектов памяти Великой Отечественной войны должен выступать регулятором правовых отношений не только при сбережении советских воинских захоронений, памятников и мест памяти, но и иметь правовые механизмы для осуществления защитной функции применительно к захоронениям военнослужащих Вермахта в границах стран, выступивших, как СССР, объектами агрессии.

При разработке международно-правовой защиты объектов военно-мемориального наследия мы также имеем дело с вопросами национальной идентичности, поскольку с ними сопряжены такие сложнейшие патологические явления, как опирающийся на расовые лжетеории геноцид народов, наций, подвергшихся оккупации и физическому уничтожению. В случае со Второй мировой войной это славянские народы, евреи, цыгане. Поэтому здесь приходится иметь дело с тенденциями в области национальной идентичности, утверждения исторической правды и справедливости.

Международно-правовой опыт содержит прецедент юридического осуждения и привлечения к ответственности лиц, чьи действия, хотя и не противоречили актуальному для этих лиц праву, но так же, как и практики современного неокOLONIALИЗМА,

были направлены на массовое нарушение прав людей во всем мире, включая самое основополагающее из всех прав – право на жизнь. Созданный в соответствии с Московской декларацией от 30 октября 1943 года «Об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства», под которой поставили свои подписи руководители СССР, США и Великобритании (опубликована 03.11.1943г.), и на основании Лондонского соглашения от 8 августа 1945 г. между правительствами ведущих государств-союзников – СССР, США, Великобритании и Франции, к которому присоединились 19 других стран – членов Антигитлеровской коалиции, Международный военный трибунал (МВТ) при осуществлении Нюрнбергского судебного процесса 1945 года пришел к выводу, что никакое внешне оформленное законодательство не может считаться источником права тогда, когда его расхождение с моралью и базовыми нравственными нормами очевидно для любого человека. При этом следует учесть, что для США и Британии решение Нюрнберга имеет базовое правовое значение – признав Трибунал и его решение, страны Общего права включили этот прецедент в свое внутреннее законодательство.

Опираясь на экспертное мнение, реализуемое в международном сообществе «Родина подвига – Родине героя» (в том числе кандидата юридических наук М.В. Чупова и кандидата исторических наук М.Д. Чуповой), авторы придерживаются вывода, что сегодня существует возможность вновь обратиться к практике Нюрнбергского трибунала, как Суда Народов – поскольку действия современных неокOLONIALISTОВ уже привели и грозят привести в ближайшем будущем к огромным бедам, запущенные угрозы таковы, что способны разрушить человеческую цивилизацию как таковую. В этих условиях мы стоим перед необходимостью объединения усилий государств, которым удалось сохранить свою правовую субъектность, и международной общественной инициативы для создания справедливой международно-правовой практики привлечения к ответственности организаторов и виновников неокOLONIALISTИЧЕСКОЙ агрессии против человечества. Часть этой агрессии – вне сомнения, развязанная война с памятниками воинам-освободителям XX века (1941 – 1945 гг.).

Д.С. Артамонов и С.В. Тихонова рассматривали проблему встраивания понятия «историческая справедливость» в систему целей государственно-правовой политики

памяти РФ. Авторы дали социально-философский анализ категории «историческая справедливость». По их мнению, она выступает частным случаем социальной справедливости, тесно связана с представлением об общем благе и выступает регулятором общественных отношений. В восприятии общества и государственной власти историческая справедливость определяется обеспечением прав человека и народов, а любые попытки покушения на них вызывают апелляцию к прошлому. В условиях, когда историческая память стала главным инструментом конструирования идентичности нации и государственного строительства, значение понятия исторической справедливости возрастает. Стремление включить ее в формате исторической правды в Конституцию Российской Федерации вызвано не только реакцией на развернувшуюся мемориальную войну вокруг трактовок событий и жертв Второй мировой войны, но и желанием власти и общества защитить таким образом основные национальные ценности и традиции, защитить национальную идентичность, самосознание граждан России, защитить Русский мир. Мемориальные юридические законы не только обеспечивают историческую справедливость, но и в большей степени вызваны представлением о том, что она находится в опасности, а значит, под действием системной угрозы находится все российское общество и соотечественники за рубежом. Проявляя солидарность с Д.С. Артамоновым и С.В. Тихоновой, авторы данной статьи считают принципиальным тот факт, что государство в своей политике памяти вынуждено использовать силу и неотвратимость действия нормативно-правовых актов, что встречает одобрение в обществе, в котором утрачена вера в мемориальные законы и в гарантирующий безопасность механизм исторической памяти. Представление об исторической справедливости и ее юридическое воплощение вызывают общественное доверие и обеспечивают консенсус с властью [2. С. 62-77]. И в этой связи считаем необходимым подчеркнуть, что историческая память в силу своей природы (создается преимущественно политическими режимами и может изменяться под воздействием решений власть предержащих) имеет ограничения, поэтому защитить объекты военно-мемориального наследия, опираясь исключительно на инструменты исторической памяти и защитные нормы культурного наследия не представляется возможным. Следует разрабатывать и применять социальную память,

в которой в большей степени задействованы аспекты народного фольклора, родовой памяти, этнической и наследственной. Собственно, что на практике и осуществляется в содружестве общественного Института социальной памяти (г. Москва), действующего с 2005 года, с международным добровольческим обществом «Родина подвига – Родине героя», разрабатывающим нормативно-регуляторную базу для будущего международного акта в лице Хартии «О защите военно-мемориального наследия СССР и стран-союзниц по антигитлеровской коалиции» [6. С. 42-48]. 17 июня 2023 года в городе Бресте прошло первое экспертное слушание концепции Хартии, в котором приняли участие эксперты из 10 стран мира, в том числе – Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Польша, Россия, Сербия, Таджикистан, Франция [24].

И.А. Умнова-Конюхова, И.А. Алешкова поднимали вопрос осмысления, раскрытия и описания принципа национальной идентичности российского государства в правовой теории и практике, выявления его основных содержательных характеристик и особенностей реализации в правоприменительной практике. Приводя различные точки зрения по этому вопросу, авторы приходят к выводу о целесообразности использования принципа национальной идентичности российского государства в конституционно-правовой практике, а также отмечают его значимость при реализации правовой политики в современной России [25. С. 9-15].

Т.Я. Хабриева рассматривала аксиологические основы современного конституционализма. На основании исследования мирового опыта конституционного развития автором сделан вывод о наличии общей тенденции пополнения ценностного каталога конституций, учитывающего накопленный государствами исторический опыт и национальные приоритеты. Автор проследила восприятие национальных ценностей в конституционной эволюции России, подчеркнула роль Конституционного Суда РФ, который даёт импульс формированию и осмыслению концепции национальной конституционной идентичности. Автор отмечала, что российский Основной Закон приобрёл в 2020 году свойства программного документа, воспитательно-мотивирующие установки и ярко выраженное социально-ценностное наполнение. Поправки закрепили сложившееся взаимопонимание государства и его граждан по отношению к базовым ценностям, в результате чего Конституция становится

нравственным ориентиром для российского общества, отражая его идеалы и традиционные черты коллективного сознания. При этом в процессе конституционного совершенствования механизмов публичной власти Россия вырабатывает собственную национальную модель Конституции, соответствующую отечественному менталитету и новым требованиям государственной безопасности. Отмечено, что в целом это должно способствовать утверждению многоцивилизационной модели мирового устройства, предполагающего равноправие различных культур, цивилизаций и многообразие национальных социокультурных ценностей [28. С. 403-414].

Л.Б. Гапоненко исследовала феномен национальной идентичности и факторов, влияющих на конструирование национальной идентичности. Данная проблематика при наличии кризисных явлений в обществе, таких как социальное расслоение, правовой нигилизм, отчуждение власти от общества, утрата ценности духовно-нравственной культуры, проявление этнического сепаратизма, обретает все большую актуальность. В решении проблем консолидации общества важным фактором является конструкт национальной идентичности. Формирование национально-культурной идентичности становится приоритетным направлением деятельности современного государства и гражданского общества. Автор предлагает идею взаимообогащения достижений культуры западных обществ культурно-историческими ценностями «незападных» социумов для дальнейшей интеграции мирового сообщества. Цивилизационный принцип определения идентичности дополняется идеей национально-гражданской идентичности [8. С. 40-53].

А.Ю. Рузина отмечает, что необходимость защиты государственного суверенитета, отстаивание традиционной модели взаимоотношений личности, общество и государства – актуальные задачи, стоящие перед Российской Федерацией в фокусе конституционной реформы 2020 г. В данном векторе целью исследования стало правовое осмысление конституционной идентичности российского государства как рубежа компромиссов между европейской и национальной системами защиты прав и свобод личности. Проведенный анализ внутригосударственных правовых актов позволил автору сделать вывод о том, что принцип конституционной идентичности является незыблемым фундаментом конституционного государства и его

модели обеспечения прав и свобод личности в традиционной системе ценностей [20. С. 30-38].

Отдельно вопросу права уделяла внимание М.Б. Напсо. Еще в 2007 году автор отмечала, что в современных условиях особое звучание приобретают коллективные права этнических общностей. Именно они позволяют этническим сообществам сохранять себя как специфические этнокультурные общности, а государству – эффективнее регулировать этносоциальные отношения. Российское законодательство наделяет правом на самобытность коренные народы и меньшинства, а не все этнические общности, и вовсе не содержит права на национальную идентичность. Исследовав природу этого явления и используя существующие в международном праве положения, автор предлагает свою формулировку права на национальную идентичность [18. С. 96-102]. В более поздней работе автор исследовала проблемы прав народов в контексте их соотношения с индивидуальными правами и правами меньшинств как механизм защиты этноиндивидуальности человека. Автор выявила сложный характер взаимозависимости индивидуальных и коллективных этнических прав, сформулировала вывод о том, что непризнание прав народов международным правом не позволяет обеспечить эффективную защиту национальной идентичности. Вместе с этим автор обозначает, что сохранение самобытности требует от государства целенаправленной деятельности по реализации всей совокупности индивидуальных и коллективных этнических прав [17. С. 115-121]. Интерес данного исследования к указанной теме связан с диссертационным исследованием на соискание ученой степени доктора юридических наук по тематике «Правовые основы защиты этнонациональных интересов в условиях глобализации» (12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве. 2010).

Несмотря на актуальность, особенно в контексте поправок к Конституции Российской Федерации 2020 года, вопроса соотношения исторической памяти и военномемориального наследия, нельзя сказать, что данное явление стало объектом множества исследований. Одновременно с этим необходимо констатировать, что указанный вопрос не обошли аналогичные тенденции развития исследований, касающихся национальной идентичности и культурного наследия: правовые исследования затрагивают базовые вопросы, уделяя внимание смысло-

вому пониманию этой категории и выстраиваемой вокруг нее политике.

Е.В. Сазонникова рассматривала поправки 2020 г. к Конституции Российской Федерации и дополнение Конституции Российской Федерации ст. 67.1. и сделала вывод о том, что что память о защитниках Отечества и защита исторической правды – это конституционные ценности Российской Федерации. Потомки, в отличие от современников событий, смогут узнать о далеком прошлом только на основе тех материалов, которые сохраняют для них предшественники. Осознавая это, Российская Федерация взяла на себя обязательство сохранить для потомков историческую информацию в неискаженном виде [21. С. 29-32].

П.А. Астафичев исследовал содержание конституционной поправки от 2020 г. о необходимости обеспечения защиты исторической правды. Автор доказывал, что «историческая правда» в конституционно-правовом значении – это цель объективно и добросовестно настроенного исследователя, гарантируемая в свободном демократическом обществе конституционным правом на свободу мысли, научного творчества и выражения мнения. Автор отмечает, что целеполагание в познании – вопрос мыслительной деятельности, с трудом поддающийся демократическому контролю государства и права; с нормативной точки зрения здесь, в лучшем случае, просматривается нравственный аспект (поиск исторической правды есть добродетель, ее искажение – порок). Государственно-правовое воздействие в этой сфере затруднительно и влечет за собой риски появления юридически обязательной идеологии, что запрещено главой первой «Основы конституционного строя» Конституции РФ (ч. 2 ст. 13) и действующими актами Конституционного Суда РФ [3. С. 5-11].

И.Н. Фалалеева и В.Д. Гаврилова провели анализ одной из поправок в Конституцию РФ 2020 года о защите исторической правды со стороны Российской Федерации. Авторы отмечали, что каждое уважающее себя государство заботится о защите национальной идентичности, сохранении героического прошлого, мужества и отваги защитников своего Отечества, исторической памяти и исторической правды. Несмотря на высокий социальный запрос российского общества на историческую правду в нынешних условиях, не ясным остается почти весь спектр связанных с ней вопросов: понятие и содержание исторической правды, пути её поиска, пределы, применимость правовых

критериев, роль государства и общества в её сохранении и т.п. Авторы статьи приходят к выводу, что защита исторической правды – это особое и необходимое направление государственной политики, обеспечивающее социальную солидарность российского общества [26. С. 65-71].

Таким образом, становится очевидным, что в российской юридической науке слабо изучены концептуальные основы формирования мемориального права как особого юридического комплекса для сохранения, трансляции и защиты исторической памяти и мемориального (военно-мемориального) наследия. Кроме того, юридическая наука до сих пор не обосновала особую разновидность прав личности и различного рода общностей в сфере исторической памяти и дипломатии памяти (в том числе народной дипломатии). Недостаточный научный фундамент приводит к дефектам в правовом регулировании в сфере исторической памяти и правовой защиты объектов военно-мемориального наследия 1941 – 1945 гг.:

- неопределенность объектов мемориального наследия с точки зрения их природы и правового режима, смешение их с неоднородными объектами (памятники истории, архитектуры и скульптуры);

- отсутствие надлежащих национальных и международных институтов правовой охраны объектов военно-мемориального наследия;

- слабые организационные механизмы в деле охраны мемориального наследия (дублирование органов управления, избегание ответственности, параллелизм профильных ведомств и пр.);

- отсутствие легальных оснований для реализации и защиты прав человека и коллективных общностей на историческую память и мемориальное (военно-мемориальное) наследие.

В последние два десятилетия на фоне практических действий по пересмотру итогов Второй мировой войны, попыток и результатов фальсификации решающего вклада советского народа в Победу над фашизмом и нацизмом, в ряде государств мира стали предприниматься попытки демонтажа, сноса и ликвидации различных объектов военно-мемориального наследия. Разрушение военно-мемориальных объектов стало частью целенаправленной европейской исторической политики, задачей которой по факту является искажение хода и результатов Второй мировой войны, пересмотр роли СССР в Победе на фашистской Германией и

ее союзниками. Военно-мемориальные объекты Второй мировой войны стали объектом борьбы двух традиций в исторической памяти:

- традиции уважения и сохранения памяти о решающем вкладе СССР в Победу во Второй мировой войне;

- агрессивной политики стирания и уничтожения памяти о советском подвиге в Победе над нацизмом и фашизмом.

При этом статус и режим таких объектов подчинен законодательству страны их нахождения и зависит от суверенной воли национального правительства. Ограничивает национальные правительства лишь два фактора: общественное мнение и международные договоры с Российской Федерацией относительно взаимных обязательств по содержанию и охране воинских кладбищ. Приходится констатировать, что на международном уровне отсутствуют единые международно-правовые акты, которые бы возложили на национальные правительства обязательства по сохранению военно-мемориального наследия и предложили механизм контроля за соблюдением принятых обязательств.

К сожалению, на уровне юридической доктрины вопрос о статусе и правовых средствах сохранения военно-мемориального наследия практически не изучен. В юридической практике складываются стихийные подходы к определению правовой природы и способов защиты мемориального наследия. Преимущественно объекты военно-мемориального значения интерпретируются в качестве объектов культурного наследия с соответствующим правовым режимом.

Однако авторы полагают, что трактовка военно-мемориального наследия в качестве синонима или какой-то имманентной части культурного наследия противоречит природе самих этих объектов и даже оскорбляет память о таком наследии и его носителях (лиц, организаций, референтных групп). С одной стороны, военно-мемориальные объекты имеют совершенно специфическое значение в рамках исторической памяти. Весьма сомнительно квалифицировать как объекты культуры. Кладбища упокоения (погребения) лиц, ставших жертвами войн, причем как со стороны страны-агрессора, так и со стороны страны, подвергшейся вооруженному вторжению, тем более. Военно-мемориальные объекты по определению не являются частью культурного процесса, они несут совершенно иное политическое и социальное значение.

Ведь культура — это всё, что создается (а не разрушается) человеческим трудом: технические средства и духовные ценности, научные открытия, памятники литературы и письменности, политические теории, правовые и этические формы, произведения искусства и т. д. В широком смысле культура есть исторически обусловленный динамический комплекс постоянно обновляющихся во всех сферах общественной жизни форм, принципов, способов и результатов активной творческой деятельности людей. В узком смысле под культурой понимают процесс активной творческой деятельности, в ходе которой создаются, распределяются и потребляются духовные ценности. Перед нами же феномен обратный — сознательное уничтожение материальных и духовных ценностей и физическое уничтожение людей. Следовательно, выявлять тенденции и ставить вопросы о социальном и правовом регулировании в области сбережения объектов военно-мемориального наследия в парадигме «культурного наследия», совершенно бесперспективно и более того, противоестественно и вредно.

Как свидетельствует практика, во многих странах, где размещены воинские захоронения и военные памятники Второй мировой войны, статус и режим содержания объектов военно-мемориального характера в качестве культурных объектов не позволяет обеспечить надлежащую защиту таких объектов. Культурная идентификация усложняет процессы сбережения памятников и захоронений, существенно суживает возможности применения правовых инструментов для регулирования субъектно-объектных отношений в этой сфере. Более того, многие из объектов военно-мемориального наследия не являются объектами культурного наследия по национальному законодательству и совершенно не защищены от волюнтаризма властей.

Господствующая в Российской Федерации идея о растворении военно-мемориального наследия в культуре и отождествление памятников и захоронений с объектами культурного наследия имеет ряд существенных недостатков с точки зрения достижения задач по сохранению и увековечиванию военных подвигов и самопожертвования советского народа при защите Родины:

1) дублирование и неопределенность компетенции органов управления в сфере военно-мемориального наследия (Министерство обороны Российской Федерации и Министерство культуры Российской Феде-

рации), что не позволяет проводить единую политику в сфере охраны объектов такого наследия;

2) отсутствие специального законодательства и международных актов в сфере охраны военно-мемориального наследия с имеющейся попыткой отдать эти вопросы на откуп законодательству о культуре, что приводит к тому, что большая часть объектов военно-мемориального наследия в России и зарубежных странах лишены какого-либо статуса вообще;

3) отсутствие четко определенной обязанности федеральной власти по организации работы и финансированию в сфере военно-мемориального наследия приводит к возложению этих полномочий на субъекты РФ и муниципальные образования, которые не имеют необходимых финансовых и организационных условий для ведения такой работы (в границах РФ имеют место бесхозные объекты военно-мемориального наследия, требующие паспортизации, аттестации, постановки на муниципальный и федеральный учет);

4) наконец, сами объекты военно-мемориального наследия обладают серьезной спецификой по сравнению с объектами культурного наследия:

- военно-мемориальное наследие связано с памятью о войнах и их участниках;

- объекты военно-мемориального наследия, как правило, связаны с почтением и уважением к памяти погибших военнослужащих, что влечет за собой соблюдение определенных ритуальных и траурных правил;

- военно-мемориальное наследие носит глубоко деликатный и острый характер для исторической и социальной памяти, что выражается в серьезных последствиях для национального самосознания при попытке пересмотра исторической памяти и воздействию на памятники такого наследия;

- в России военно-мемориальное наследие является центральным компонентом исторической памяти народа (память о Великой Победе), что требует более серьезного и внимательного отношения с правовой точки зрения.

Указанные обстоятельства, на наш взгляд, позволяют выдвинуть предложение о необходимости отдельного и самостоятельного правового регулирования вопросов, связанных с военно-мемориальным наследием. При этом вполне полезным и ценным выглядит накопленный опыт правового регулирования в отношении объектов куль-

турного наследия. Вполне применимым может быть использование тех же подходов к правовой охране военно-мемориального наследия, что и в случае объектов культурного наследия: единый реестр объектов, определение специального охранного режима, ответственность органов публичной власти. Но ключевыми должны быть главная роль Минобороны как специального органа по охране военно-мемориального наследия и условие финансирования из федерального бюджета всех возникающих вопросов с содержанием объектов. В ряде случаев для более эффективной защиты может быть допустим для применения режим объекта культурного наследия в отношении военно-мемориального наследия, но лишь как дополнительный защитный механизм.

Наиболее ближайшими для решения задачами считаем следующие:

- разработка специального федерального закона об охране военно-мемориального наследия Российской Федерации;

- разработка международной (универсальной) Хартии (Конвенции) об охране объектов военно-мемориального наследия, образовавшихся по итогам Второй мировой войны;

- создание Международного исторического арбитража, в который сомневающиеся в «истинности общепризнанных исторических фактов» должны в исковой форме, «не оставляя лазеек для множественности толкований», изложить «аргументы и доказательства своей правоты».

- формирование общественной и профессионально-юридической инициатив с целью создания Международного центра правовой оценки неокOLONиалистических действий, который впоследствии мог бы стать базой формирования нового Международного трибунала.

Как показал анализ, в российском законодательстве реализовано понимание правовой охраны военно-мемориального наследия в качестве особого, отличного от охраны объектов культурного наследия режима. В Уголовный Кодекс Российской Федерации 7 апреля 2020 г. была включена ст. 243.4 «Уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел,obelisks, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России», которая установила уголовную ответственность за посягательства на объекты военно-мемориального наследия

наряду с аналогичными составами преступлений, посягающих на объекты культурного наследия. Причем для квалификации деяния в соответствии со ст. 243.3 УК РФ объекты военно-мемориального наследия могут и не быть объектами культурного наследия. Важно отметить, что данная норма УК РФ носит экстерриториальный характер и применяется в случае уничтожения или повреждения объектов военно-мемориального наследия России, находящихся в зарубежных странах. Фактически в УК РФ впервые вводится в юридический оборот термин «мемориальные сооружения, увековечивающие память защитников Отечества и участников Великой Отечественной войны».

Положительным следует признать путь, избранный Молдовой, по пути самостоятельной правовой защиты объектов военно-мемориального наследия. В 2017 г. Республика Молдова приняла закон «О режиме воинских захоронений и военно-мемориальных объектов», установив задачи, компетенцию и ответственность органов публичной власти в сфере сохранения военно-мемориального наследия. Все объекты военно-мемориального наследия признаны в Молдове публичной собственностью.

Поскольку правовой режим объекта культурного наследия применяется, скорее, как юридическая фикция и не обеспечивает надлежащей правовой защиты, необходима нормативная фиксация особого режима военно-мемориального наследия, определение содержания и составных частей военно-мемориального наследия. Так как национальное законодательство произвольно решает проблему статуса и охраны объектов военно-мемориального наследия, очевидно, назрела необходимость выработки наднационального механизма защиты военно-мемориального наследия.

Первые международные правила об уважении к памяти погибших воинов и жертв войн относятся к первой половине XX века. Советский Союз 19.03.1931 г. принял Постановление ЦИК и СНК СССР № 46 об утверждении проекта постановления ЦИК и СНК СССР «Положение о военнопленных»: воспрещение жестокого обращения с военнопленными, оскорблений и угроз, воспрещение применять меры понуждения для получения от них сведений военного характера, предоставление им гражданской правоспособности и распространение на них общих законов страны, воспрещение использовать их в зоне военных действий и т. д.». 26.09.1931 г. Советский Союз присоединился

к Женевской конвенции 1929 г. «Convention for the Amelioration of the Condition of the Wounded in Armies in the Field» (Конвенция по улучшению участи раненых и больных в армиях в поле). Соответственно, СССР взял на себя обязательства по опознанию и содержанию воинских захоронений.

Вместе с тем Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г. практически не затрагивают правовой режим военно-мемориального наследия. В ст. 130 4-й Женевской Конвенции 1949 г. и Протоколе I к Конвенции 1977 г. предусмотрены правила относительно уважения памяти и содержания мест погребения двух категорий лиц: интернированных и лиц, умерших в условиях оккупации на территории иностранного государства. Международные акты о культуре и объектах культурного наследия не содержат специальных норм о защите военно-мемориального наследия и оказываются бессильными в отношении волюнтаризма национальных правительств. Существующих норм международных конвенций оказывается совершенно недостаточно для эффективной охраны военно-мемориального наследия, а главное, отсутствует действенный институт по выявлению и охране объектов военно-мемориального наследия.

В связи с вышесказанным совершенно оправданным является сформированная в партнерстве Института социальной памяти Академии военных наук России и Юридического института Алтайского государственного университета при юридической поддержке на межмуниципальном уровне не менее 40 сел и городов Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Молдова, Республики Сербия и Украины инициатива о разработке универсальных международных актов об охране военно-мемориального наследия с учреждением специального международного органа по инспектированию объектов военно-мемориального характера, мониторингу исполнения международных обязательств и понуждению, при необходимости, к таковому.

Институт социальной памяти Академии военных наук России совместно с Юридическим институтом Алтайского государственного университета при вовлечении в эту деятельность более 210 сформированных и действующих с использованием электронных платформ и мессенджеров в рамках Международной эстафеты памяти и благодарности «Родина подвига – Родине героя» социальных групп ведут работу по разработ-

ке Хартии (ООН) «Об охране военно-мемориального наследия» (название – рабочее), которая призвана заложить общие принципы и обязательства государств мира по выявлению, содержанию и охране объектов военно-мемориального наследия (воинских захоронений, останков воинов, памятных объектов, музеев, мест памяти и т.п.). Работа ведется на общественных началах и в форматах народной дипломатии и волонтерства. В основу разрабатываемой Хартии положены принципы, правила и нормы, которые вырабатываются в практике и законодательстве различных государств в рамках межмуниципальных партнерств по охране памяти Героев Великой Отечественной войны (в т.ч. Героев Советского Союза, полных кавалеров ордена Славы).

Структура Хартии ООН по охране военно-мемориального наследия может включить в себя следующие разделы:

I. Общие положения.

Глава определяет общие принципы охраны объектов военно-мемориального наследия, основные термины.

II. Объекты военно-мемориального наследия.

В главе устанавливается круг объектов военно-мемориального наследия, обязательства по их охране.

III. Правовой режим защиты воинских захоронений.

В данной главе регламентируются обязательства стран-участниц Хартии в отношении воинских захоронений, порядок учета погибших воинов, выявленных в ходе поисковой работы.

IV. Обязательства стран-участниц Хартии по увековечению памяти, восстановлению и охране объектов военно-мемориального наследия.

В главе приводятся обязательства стран-участниц Хартии в отношении объектов военно-мемориального наследия.

V. Ответственность стран-участниц Хартии за исполнение обязательств.

VI. Меры ответственности за посягательства на объекты военно-мемориального наследия.

VII. Международные институты ООН по инспектированию соблюдения обязательств стран-участниц Хартии.

VIII. Заключительные положения.

В Хартии предлагается учесть такие отработанные нормы и подходы, как:

- введение в законодательство и международные акты самой категории военно-мемориального наследия с соответствующим

правовым режимом, исключаящим его трактовку в качестве объекта культуры и культурного наследия;

- установление уголовной ответственности за акты порчи или уничтожения объектов военно-мемориального наследия как специального состава преступления (на основе правовой оценки факта разрушения 28.01.2021г. памятника Герою Советского Союза В.И. Маргелову в Дубоссарах, когда УК Приднестровской Молдавской Республики не предусматривает отдельного состава преступления по таким случаям);

- реализация необходимости установления особого правового режима в отношении земельных участков, связанных с военно-мемориальным наследием, в том числе с правом государства на изъятие данных земельных участков для государственных нужд или возложение на частных лиц обязанностей по сохранению мемориального статуса данных земельных участков (дело по Высоте 60.0 в Макензиевых горах Севастополя – известна, как Форт «Сталин»);

- реализация необходимости обособления статуса различного рода парков и аллей Памяти (крупных природно-архитектурных комплексов, увековечивающих память о погибших воинах) на основе практики воссоздания Аллеи Героев в Барнауле, разбивки и оборудования мемориальными объектами Парка «Патриот» имени Героя Советского Союза Н.В. Мамонова в поселке Коноша Архангельской области;

- закрепление социальной ответственности субъектов малого, среднего и крупного предпринимательства, осуществляющего хозяйственно-экономическую деятельность в границах территорий, где имеются в наличии и/или создаются новые объекты военно-мемориального наследия, с возможностью взимания целевого подоходного налога на финансовую поддержку благоустроительных и реставрационных мероприятий в отношении таких объектов (на опыте возведения в 2021 – 2022 годах Парка «Патриот» имени Героя Советского Союза Н.В. Мамонова в поселке Коноша Архангельской области и обращения по линии общественности к корпорации «Титан» за поддержкой);

- закрепление муниципальной ответственности в проведении общественных референдумов и других форм диалога с местным населением при выработке решения о демонтаже и переносе памятника, символизирующего участие в Великой Отечественной войне (с учетом инцидента с памятником юному герою-партизану Анато-

лию Пайкову в Боровске Калужской области в 2023 году);

- последовательное проведение принципа увековечения и героизации подвига советских воинов и союзников по антигитлеровской коалиции и недопустимость героизации военнослужащих государств-агрессоров во Второй мировой войне (отстаивание в 2022 – 2023 гг. права общественного запроса на устранение из городского пространства Житомира на Украине присвоенных улицам имен коллаборационистов С. Бандеры и Р. Шухевича);

- поощрение различных форм самоорганизации граждан и муниципалитетов, народной дипломатии, дипломатии памяти в сбережении военно-мемориального наследия с недопущением возложения на муниципальные образования обязанности по содержанию объектов ВМН без передачи сопутствующих финансовых ресурсов (обязанность по охране наследия в первую очередь лежит на центральной власти).

Заключение

Таким образом, мемориальное право рассматривается авторами как часть международного права. Специфика и значение военно-мемориального наследия требуют адекватного правового регулирования на уровне национального законодательства и международных актов, действенных правовых и организационных инструментов по сохранению и защите такого наследия. Одним из инновационных способов формирования международно-правового режима сбережения артефактов Великой Отечественной войны в виде памятников и захоронений советских воинов-освободителей, как показали в данной статье авторы, является разработка и легитимация норм-регуляторов по направлению от частного к общему, от моделирования правовых отношений, способствующих выполнению защитных функций на муниципальном и национальном уровнях, до экстраполяции сгенерированных в многовариантных ситуациях норм в систему правовых принципов, механизмов и инструментов в рамках Хартии «О защите военно-мемориального наследия».

Авторы, представляющие партнерские структуры, находящиеся в соглашении о сотрудничестве по разработке Хартии с 30 апреля 2021 года, продолжают деятельность в обозначенном направлении в формате народной дипломатии и дипломатии памяти вплоть до осуществления обще-

ственной экспертизы разработанного международного правового документа в различных странах, формирования и продвижения международной законодательной инициативы. Отладка концепции и разработанных

норм военно-мемориального права будет происходить при поддержке Ассамблеи Народов Евразии и центральных органов СНГ (переговоры закреплены протоколом намерений от 01.09.2023г).

Литература:

1. Roger O'Keefe The protection of cultural property in armed conflict // *Amicus Curiae*. Issue 71. 2007.
2. Артамонов Д.С., Тихонова С.В. Историческая справедливость в системе целей государственно-правовой политики памяти РФ // *Справедливость в постсоветском правопорядке: понятие, принцип, цель: Сборник статей научной конференции*. М., 2021.
3. Астафичев П.А. Обеспечение защиты исторической правды как новый принцип в конституционном праве современной России // *Правоприменение*. Т. 4 № 4. 2020.
4. Балдин И.А. Система законодательства РФ по сохранению объектов культурного наследия на всех уровнях (федеральный, региональный и муниципальный) // *Антропология права и правовой плюрализм*. 2020.
5. Богуславский М.М. *Международное частное право*. М., 1994.
6. Васильев А.А., Ужанов А.Е. Военно-мемориальное наследие, как социальный феномен и международно-правовая проблема: на пути решения // *Надежность и безопасность энергетики*. Т. 16. №1. 2023.
7. Васильева Л.Н. Национальный язык как часть нематериального культурного наследия // *Вестник Московского университета. Серия 26: Государственный аудит*. № 2. 2019.
8. Гапоненко Л.Б. Конструирование национальной идентичности в контексте политики памяти // *Дискурс-Пи*. Т. 17. № 3(40). 2020.
9. Гликман О.В. Механизм контроля за соблюдением обязательств государств-членов Международной Организации Труда (МОТ) // *Юрист-международник*. № 4. 2003.
10. Иванова Ж.Б. Особенности правового регулирования нематериального культурного наследия в Республике Беларусь и Российской Федерации // *Четвертые цивилистические чтения памяти профессора М. Г. Прониной: сборник материалов*. 2022.
11. Иванова Ж.Б. Правовые основы охраны нематериального культурного наследия в России и Китае // *Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве: сборник статей по результатам международной научно-практической конференции*. Т. 1. 2022.
12. Ковалишина К.В. Проблема обеспечения прав на нематериальное культурное наследие в Республике Индия // *Океанский менеджмент*. № 1 (19). 2023.
13. Котляров И.И. Международное гуманитарное право о запрещенных средствах ведения войны // *Московский журнал международного права*. Т. 1. № 8. 2011.
14. Куцарова М. Пакт Рериха – основа международной правовой системы защиты ценностей культуры и ее будущее // *Сборник материалов «Культурное наследие: философские, исторические и юридические аспекты»*. 2012.
15. Малеина М.Н. Право на доступ к объекту культурного наследия (на примере музея-квартиры) // *Охрана объектов культурного наследия: национальный и международный опыт: Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции*. 2018.
16. Миллер А., Липман М. *Историческая политика в 21 веке*. М., 2002.
17. Напсо М.Б. Права народов: единство и противоречие коллективных и индивидуальных этнических прав // *Современное право*. № 1. 2018.
18. Напсо М.Б. Российское законодательство о праве на национальную идентичность и праве на самобытность // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. № 9(50). 2007.
19. Пузырева Ю.В., Котляров И.И. Международно-правовые аспекты деятельности органов внутренних дел России // *Московский журнал международного права*. № 3. 2015.
20. Рузина А.Ю. Принцип конституционной идентичности и права личности: в поиске золотого сечения // *Baikal research journal*. Т. 12. № 4. 2021.
21. Сазонникова Е.В. Память о защитниках отечества и защита исторической правды как конституционные ценности // *Конституционное и муниципальное право*. № 10. 2020.
22. Синицына В.А. Право на охрану объектов культурного наследия // *Вопросы российской юстиции*. № 18. 2022.
23. Тагиев М.Н. Некоторые вопросы уголовно-правовой борьбы с преступлениями против культурного наследия // *Сборник статей Международной научно-практической конференции*. 2012.

24. Ужанов А.Е. Проблемы сохранения и защиты советских военных памятников и памятных мест в Европе // Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. 2018.
25. Умнова-Конюхова И.А., Алешкова И.А. Принцип национальной идентичности российского государства и общества: содержание и особенности реализации // Культура: управление, экономика, право. №1. 2021.
26. Фалалеева И.Н., Гаврилова В.Д. Защита исторической правды – новое направление государственной политики российской федерации // Право и практика. № 4. 2021.
27. Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире. М., 2016.
28. Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник российской академии наук. Т. 90. № 5. 2020.
29. Чулисова Ю. А. Конституционно-правовая охрана объектов нематериального культурного наследия в России: проблемы и перспективы развития // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. Т. 22. №1. 2022.
30. Шарипов И.И. Ответственность за нарушение обязанности по сохранению исторического и культурного наследия // Общество, государство, личность: Проблемы взаимодействия в современных условиях: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. 2022.
31. Ширкова И.В. Права человека как социокультурная реальность современного общества // Формы культуры и противоречия современного общества: материалы международной научной конференции. Сер. «Социально-гуманитарные исследования ученых Донбасса». №5. 2019.
32. Янович М.В. Конституционное право на доступ к объектам культурного наследия в Финляндии // Современные научные исследования и разработки. № 5(13). 2017.
33. Янович М.В. Реализация принципа единства и взаимодействия конституционных прав и обязанностей в отношении объектов культурного наследия // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. № 2(82). 2015.
34. Янович М.В. Содержание конституционной обязанности в отношении объектов культурного наследия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. №9-1 (59). 2015.

MEMORIAL LAW: NATIONAL AND INTERNATIONAL ASPECTS

Introduction. *This article conducts an interdisciplinary study of memory policy, which includes terminological explication and legal analysis of concepts similar in meaning, assessment of the relevance and need to legalize terms related to memory policy, determination of the effectiveness of official memory policy, prediction of its political and social consequences in the long term and exploring the normative limits of national memorial legislation. The purpose of the study is the conceptualization of memorial law.*

Materials and methods. *The main research method is participant observation of the processes of implementation in Russian society and abroad of the concepts of national, historical and social memory, as well as the construction of norms and regulations for establishing legal relations in the field of conservation of military memorial heritage objects. Methods of express diagnostics of problem situations, legal assessment of incidents, sociological and expert surveys (including questionnaires and testing), and modeling were used.*

Research results. *As a result of the study, the need to develop a special federal law on the protec-*

tion of the military memorial heritage of the Russian Federation, as well as the development of an international (universal) Charter (Convention) on the protection of military memorial heritage sites formed as a result of the Second World War, was substantiated.

Discussion and conclusion. *It has been established that there is no single position in the scientific community regarding the need for memorial legislation. This largely depends on the political and ideological preferences of a particular author. At the same time, it was concluded that in legal science the conceptual foundations for the formation of memorial law as a special legal complex for the preservation, transmission and protection of historical memory and memorial (war memorial) heritage have been poorly studied. In addition, both at the level of legal doctrine and according to law enforcement practice, the issue of the status and legal means of preserving military memorial heritage has been practically not studied. In this connection, the authors propose the development of a Union Nation Charter for the Protection of Military Memorial Heritage for the purpose of holistic and comprehensive legal regulation of the area under study.*

Anton A. Vasiliev,
Doctor of Law, Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Altai State University,
Altai Territory, Russia

Alexander E. Uzhanov,
Candidate of Sociological Sciences,

Associate Professor of Moscow State Institute
of International Relations, Moscow, Russia

Yulia V. Pechatnova,
teacher of the Department of Theory
and History of State and Law, Altai State
University, Altai Territory,
Russia

Ключевые слова:

политика памяти, социальная
ответственность, социальная память,
историческая память, мемориальное право,
международное правовое регулирование,
мемориальное законодательство, военно-
мемориальное наследие, Хартия ООН

Keywords:

memory policy, social responsibility, historical
memory, military memorial heritage, Union
Nation Charter, memorial law, memorial
legislation, international legal regulation

References:

1. O'Keefe, R., 2007. The protection of cultural property in armed conflict. *Amicus Curiae*. Issue 71.
2. Artamonov, D.S., Tihonova, S.V., 2021. Istoricheskaya spravedlivost' v sisteme celej gosudarstvenno-pravovoj politiki pamyati RF [Historical justice in the system of goals of state-legal policy of memory of the Russian Federation]. *Spravedlivost' v postsovetskom pravoporyadke: ponyatie, princip, cel': Sbornik statej nauchnoj konferencii [Justice in the post-Soviet legal order: concept, principle, goal: Collection of articles of a scientific conference]*.
3. Astafichev, P.A., 2020. Obespechenie zashchity istoricheskoy pravdy kak novyj princip v konstitucionnom prave sovremennoj Rossii [Ensuring the protection of historical truth as a new principle in the constitutional law of modern Russia]. *Pravoprimerenie [Law enforcement]*. Volume 4. No. 4.
4. Baldin, I.A., 2020. Sistema zakonodatel'stva RF po sohraneniyu ob"ektov kul'turnogo naslediya na vsehkh urovnyah (federal'nyj, regional'nyj i municipal'nyj) [The system of legislation of the Russian Federation for the preservation of cultural heritage sites at all levels (federal, regional and municipal)]. *Antropologiya prava i pravovoj plyuralizm [Anthropology of law and legal pluralism]*.
5. Boguslavsky, M.M., 1994. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo [International private law]*. Moscow.
6. Vasil'ev, A.A., Uzhanov, A.E., 2023. Voenno-memorial'noe nasledie, kak social'nyj fenomen i mezhdunarodno-pravovaya problema: na puti resheniya [Military memorial heritage as a social phenomenon and international legal problem: towards a solution]. *Nadezhnost' i bezopasnost' energetiki [Reliability and security of energy]*. Volume 16. No. 1.
7. Vasil'eva, L.N., 2019. Nacional'nyj yazyk kak chast' nematerial'nogo kul'turnogo naslediya [National language as part of intangible cultural heritage]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 26: Gosudarstvennyj audit [Bulletin of Moscow University. Episode 26: State audit]*. No. 2.
8. Gaponenko, L.B., 2020. Konstruirovaniye nacional'noj identichnosti v kontekste politiki pamyati [Construction of national identity in the context of memory politics]. *Diskurs-Pi [Discourse-Pi]*. Volume 17. No. 3(40).
9. Glikman, O.V., 2003. Mekhanizm kontrolya za soblyudeniem obyazatel'stv gosudarstv-chlenov Mezhdunarodnoj Organizacii Truda (MOT) [Mechanism for monitoring compliance with the obligations of member states of the International Labor Organization (ILO)]. *Yurist-mezhdunarodnik [International Lawyer]*. No. 4.
10. Ivanova, Zh.B., 2022. Osobennosti pravovogo regulirovaniya nematerial'nogo kul'turnogo naslediya v Respublike Belarus' i Rossijskoj Federacii [Features of the legal regulation of intangible cultural heritage in the Republic of Belarus and the Russian Federation]. *Chetvertye civilisticheskie chteniya pamyati professora M.G. Proninoy: sbornik materialov [Fourth civil readings in memory of Professor M.G. Pronina: collection of materials]*.
11. Ivanova, Zh.B., 2022. Pravovye osnovy ohrany nematerial'nogo kul'turnogo naslediya v Rossii i Kitae [Legal basis for the protection of intangible cultural heritage in Russia and China]. *Ohrana i zashchita prav i zakonnyh interesov v sovremennom prave: sbornik statej po rezul'tatam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Protection and protection of rights and legitimate interests in modern law: a collection of articles based on the results of the international scientific and practical conference]*. Volume 1.
12. Kovalishina, K.V., 2023. Problema obespecheniya prav na nematerial'noe kul'turnoe nasledie v Respublike Indiya [The problem of ensuring rights to intangible cultural heritage in the Republic of India]. *Okeanskij menedzhment [Ocean Management]*. No.1 (19).

13. Kotlyarov, I.I., 2011. Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo o zapreshchennyh sredstvakh vedeniya vojny [International humanitarian law on prohibited means of warfare]. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow journal of international law]*. Volume 1. No. 8.
14. Kucarova, M., 2012. Pakt Reriha – osnova mezhdunarodnoj pravovoj sistemy zashchity cennostej kul'tury i ee budushchee [The Roerich Pact is the basis of the international legal system for the protection of cultural values and its future]. *Sbornik materialov «Kul'turnoe nasledie: filosofskie, istoricheskie i yuridicheskie aspekty» [Collection of materials "Cultural Heritage: Philosophical, Historical and Legal Aspects"]*.
15. Maleina, M.N., 2018. Pravo na dostup k ob'ektu kul'turnogo naslediya (na primere muzeya-kvartiry) [The right to access an object of cultural heritage (using the example of an apartment museum)]. *Ohrana ob'ektov kul'turnogo naslediya: nacional'nyj i mezhdunarodnyj opyt: Sbornik nauchnyh statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Protection of cultural heritage objects: national and international experience: Collection of scientific articles based on the materials of the international scientific-practical conference]*.
16. Miller, A., Lipman, M., 2002. Istoricheskaya politika v 21 veke [Historical politics in the 21st century]. Moscow.
17. Napso, M.B., 2018. Prava narodov: edinstvo i protivorechie kollektivnyh i individual'nyh etnicheskikh prav [Rights of peoples: unity and contradiction of collective and individual ethnic rights]. *Sovremennoe pravo [Modern law]*. No. 1.
18. Napso, M.B., 2007. Rossijskoe zakonodatel'stvo o prave na nacional'nyu identichnost' i prave na samobytnost' [Russian legislation on the right to national identity and the right to originality]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena [News of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen]*. No. 9(50).
19. Puzyreva, Yu.V., Kotlyarov, I.I., 2015. Mezhdunarodno-pravovye aspekty deyatel'nosti organov vnutrennih del Rossii [International legal aspects of the activities of Russian internal affairs bodies]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. No. 3.
20. Ruzina, A.Yu., 2021. Princip konstitucionnoj identichnosti i prava lichnosti: v poiske zolotogo secheniya [The principle of constitutional identity and individual rights: in search of the golden ratio]. *Baikal research journal*. Volume 12. No. 4.
21. Sazonnikova, E.V., 2020. Pamyat' o zashchitnikah otechestva i zashchita istoricheskoy pravdy kak konstitucionnye cennosti [Memory of the defenders of the fatherland and the protection of historical truth as constitutional values]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo [Constitutional and municipal law]*. No. 10.
22. Sinicyna, V.A., 2022. Pravo na ohranu ob'ektov kul'turnogo naslediya [The right to protect cultural heritage objects]. *Voprosy rossijskoj yusticii [Issues of Russian justice]*. No. 18.
23. Tagiev, M.N., 2012. Nekotorye voprosy ugovolno-pravovoj bor'by s prestupleniyami protiv kul'turnogo naslediya [Some issues of the criminal legal fight against crimes against cultural heritage]. *Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference]*.
24. Uzhanov, A.E., 2018. Problemy sohraneniya i zashchity sovetskikh voennyh pamyatnikov i pamyatnyh mest v Evrope [Problems of preservation and protection of Soviet military monuments and memorial sites in Europe]. *Nauchno-issledovatel'skij centr problem nacional'noj bezopasnosti [Research Center for National Security Problems]*.
25. Umnova-Konyuhova, I.A., Aleshkova, I.A., 2021. Princip nacional'noj identichnosti rossijskogo gosudarstva i obshchestva: sodержanie i osobennosti realizacii [The principle of national identity of the Russian state and society: content and features of implementation]. *Kul'tura: upravlenie, ekonomika, pravo [Culture: management, economics, law]*. No. 1.
26. Falaleeva, I.N., Gavrilova, V.D., 2021. Zashchita istoricheskoy pravdy – novoe napravlenie gosudarstvennoj politiki rossijskoj federacii [Protection of historical truth - a new direction of state policy of the Russian Federation]. *Pravo i praktika [Law and practice]*. No. 4.
27. Habrieva, T. Ya., 2016. Konstitucionnaya reforma v sovremennom mire [Constitutional reform in the modern world]. Moscow.
28. Habrieva, T.Ya., 2020. Konstitucionnaya reforma v Rossii: v poiskah nacional'noj identichnosti [Constitutional reform in Russia: in search of national identity]. *Vestnik rossijskoj akademii nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]*. Volume 90. No. 5.
29. Chulisova, Yu. A., 2022. Konstitucionno-pravovaya ohrana ob'ektov nematerial'nogo kul'turnogo naslediya v Rossii: problemy i perspektivy razvitiya [Constitutional and legal protection of objects of intangible cultural heritage in Russia: problems and development prospects]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo [News of Saratov University. New episode. Series: Economics. Control. Right]*. Volume 22. No. 1.
30. Sharipov, I.I., 2022. Otvetstvennost' za narushenie obyazannosti po sohraneniyu istoricheskogo i kul'turnogo naslediya [Responsibility for violation of the obligation to preserve historical and cultural heritage]. *Obshchestvo, gosudarstvo, lichnost': Problemy vzaimodejstviya v sovremennyh usloviyah: sbornik statej IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Society, state, personality: Problems of interaction in modern conditions: collection of articles of the IV International Scientific and Practical Conference]*.

31. Shirkova, I.V., 2019. Prava cheloveka kak sociokul'turnaya real'nost' sovremennogo obshchestva [Human rights as a sociocultural reality of modern society]. *Formy kul'tury i protivorechiya sovremennogo obshchestva: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Ser. «Social'no-gumanitarnye issledovaniya uchenyh Donbassa» [Forms of culture and contradictions of modern society: materials of the international scientific conference. Ser. "Social and humanitarian studies of Donbass scientists."].* No. 5.
32. Yanovich, M.V., 2017. Konstitucionnoe pravo na dostup k ob'ektam kul'turnogo naslediya v Finlyandii [Constitutional right to access cultural heritage sites in Finland]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki [Modern scientific research and development].* No. 5(13).
33. Yanovich, M.V., 2015. Realizaciya principa edinstva i vzaimodejstviya konstitucionnyh prav i obyazannostej v otnoshenii ob'ektov kul'turnogo naslediya [Implementation of the principle of unity and interaction of constitutional rights and obligations in relation to objects of cultural heritage]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva [Bulletin of the Volzhsky University named after: V.N. Tatishcheva].* No. 2(82).
34. Yanovich, M.V., 2015. Soderzhanie konstitucionnoj obyazannosti v otnoshenii ob'ektov kul'turnogo naslediya [Contents of the constitutional obligation in relation to objects of cultural heritage]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice].* No. 9-1 (59).